

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Остров. Глава седьмая: Баня и новый опыт Маши

Баня по-чёрному приятна тем, что в ней ты чувствуешь себя ближе к древности. Бани, обшитые древесным брусом или вагонкой, разделённые на помывочные, парильные отделения, вне зависимости в городе они или деревне, а тем более современные сауны с их просторами, где можно играть в футбол, дают комфорт. Но не дают вот такого ощущения. После которого хочется и женщину, и водки, и дать кому-то в морду. Так думал я, стягивая с себя одежду, в тесном пенале перед дверью, за которой стоял очаг. Вович был уже там, возился, подкладывая в очаг. Внезапно меня уже голого осветил ворвавшийся через открытую дверь белый свет с улицы. Я вытянулся, прикрывая руками низ.

— О! Чего я тут такого не видала? — Ирина шагнула в пенал, тесня меня к стенке. — Давай к Вовке.

— Ага. — А что ещё сказать? Я нырнул за дверь, не веря своим глазам. Ирина стала стягивать с себя фуфайку, явно собираясь участвовать в нашей бане. Хотя, была же баня в Верхнем, всё прошло прилично.

Она вошла к нам голая, даже не прикрываясь руками. Вошла, толкнула бедром меня, пододвигая, и села рядом с Вовичем, поддавшим пару. Ух! Я заскрипел, пригнулся, но не вышел. Она улыбнулась, что-то одобрительно сказала, но я не расслышал. Все мои мысли и помыслы были сосредоточены на том, чтобы член не взлетел ракетой и не пробил крышу. Она хихикнула, громко, даже как-то с вызовом, что ли? Я прижал уши, наклонил голову, спасаясь вроде как от пара. На самом деле, я не мог смотреть на неё. Возбуждался, как пятнадцатилетний мальчик, измученный спермотоксикозом. Она же, чувствуя это, пошла ещё дальше. Её ноги показались перед моими глазами, а следом появился и лобок, с намокшими волосками. Она хлопнула меня по спине веником, скомандовала «на полку!». Стараясь не смотреть на неё, я, прикрывая пухнувший член рукой, улёгся рядом с Вовичем. Конечно же, лицом вниз. Ох, какая же это была баня! Я понимаю западных путешественников средневековья, попадавших в русские бани. После привычного размокания в одежде в корытах или там каменных ваннах, голым в таком пару, да ещё с девками? Было отчего скрутиться голове. У меня же голова шла кругом от всего — от бани, от парильщицы, аккуратные груди которой двигались в такт её рукам, шлёпавших нас веником, от пота текущего по её бёдрам, поз, принимаемых её, при смене направлений обхаживания веником. А потом была холодная речная вода, в которую с мостика на берегу! Вновь парная и уже веник в твоей руке, и ты похлёстываешь их голые тела, не прикрывая свой набухший член, так как Вович в таком же состоянии. Короче, из бани мы вышли голыми, дымясь набранным паром, совершенно очумелые.

Спал я как убитый. Даже не заметил, как перина, которую я отложил, переместилась и накрыла меня. Наверно, кто-то из них ночью накрыл меня. Натянув одежду, я выскочил во двор, где стучал топором Вович, потянул топор.

— Лучше помоги Иришке. — Он кивнул куда-то за спину. — Воду носит. Мне колено не позволяет.

— Ага. — Я побежал на задворки.

Носить воду милое дело. Наполнив все бочки, поправив палки в них, а то мороз разорвёт на части, я пошёл к себе в дом. Он протопился, согрелся и теперь ожидал меня. С переездом из

дома Вовича я не стал тянуть. Согрелся? Пора домой! К тому же, его надо было дообживать. Так, за такими приятными хлопотами, постоянной работой пролетела неделя. А за пролетевшей неделей, прилетел снег. Первый снег, крутившийся робко, но часто, заполнил мирок нашего острова, замочил всё вокруг, закрывая берега от глаз белой пеленой. Ледостав уже вот-вот наступит, поэтому наша с Ирой вылазка в Верхнее была последней возможностью что-то прихватить на остров, так как в ближайшие два месяца мы будем оторваны от внешнего мира — пока встанет лёд, пока укрепится, пока смельчаки проложат дорогу с берега на берег. Поэтому мы ехали с твёрдым желанием добрать то, что не добрали.

Я влетел в избу, увидел обмершую Машу, ничего не говоря, сбросил куртку, сапоги, обнял эту родную женщину. Она очумевшая от моего появления, слабо как-то отреагировала, а когда я потянул подол платья вверх, даже запротивилась. Виктория тут? Нет? Так чего? Она отняла руки, позволяя мне снять с неё платье, спустить трусы. С себя я только освободил джинсы и трусы, устроившиеся сразу внизу на носках связанных ею для меня. Маша, очутившись на столе, охнула, спиной почувствовав столешницу. Она что-то пыталась мне сказать, но мне было всё равно — придёт ли Виктория в этот момент или нет. Я навалился на неё со всей своей накопившейся мужской силой, разводя пары в этом холодном очаге. Через минут пять она зажглась, а минут через десять уже она сидела на мне сверху, втирая мой член жадной пиздёнкой, плотно державшей его в своём плену. Грудь, выпущенная из кофты и лифчика на свободу, колыхалась с нею в такт нашим движениям, выбивая остатки сознания в моей голове. Кончили мы вместе, громко, наслаждаясь стонами друг друга. Она упала на меня, задышала в самое ухо. Я же поглаживал её по попке, периодически проскальзывая к губкам, пускавшим точки моей спермы мне на живот.

— Сереженька. — Вот тон мне не понравился. — Сережа. Тут вот что.

— Что случилось? — Я замер. Что такое? Она не была со мной, после первого раза вот такой, чуть отстранённой.

— Сейчас расскажу. — Она встала с пола, натянула платье, спрятав грудь в лифчик. — Понимаешь, Серёжа. Я. — Она вздохнула глубоко. — Тебе. — Вновь вздох. — Изменила.

— Изменила? — Руки мои, тянувшие на себя трусы и джинсы, даже дрогнули. — Как?

— Вот, так это случилось. — Она повернулась спиной ко мне, скрывая слёзы. — Так получилось.

— И кто же он?

— Она. — Я немного очумел — она? Кто она? Как?

— Мы с Викулей как-то сели, выпили. — Ну, да, была у неё заначка в виде нескольких бутылок красненького в подвале. — Она про жизнь свою стала рассказывать, мне её жалко стало. Ну, прижала к себе, поцеловала, чтобы не плакала. А она меня в губы, как мужчина. Оторопела я, думаю, что делать. А потом, пьяная я была, ответила. Дальше больше. — Она смахнула слёзы, так и не повернувшись ко мне лицом. — Дошли мы до кровати, а потом. Я никогда не думала, что с женщиной можно так. — Она бросила взгляд на меня, уже усевшегося на табуретку. — Мы всю ночь с ней. Только под утро она заснула, а я во двор. Стою, лью на себя воду из черпака, холодно, а тело всё горит, как голова. — Она села напротив меня. Мда, ситуация! Мне изменили с женщиной. Вернее сказать, женщина изменила с женщиной. — Короче, изменила я тебе с твоей попутчицей. Скрывать не хочу, но и гордиться не буду.

— Так. — Думать тут надо быстро. Она призналась, Виктория где-то бежит. И в этот

промежуток надо принять решение. В принципе, ничего нового нет. Лесбос присутствует в каждой женщине, только надо к этому относиться разумно. Мастурбация, игры со своими губками, клитором, сосками разве не лесбос? Чистой воды ОН! Додумать мне не дали. Виктория бухнула дверью в прихожей, потом, распахнула дверь в комнаты, запрыгнула к нам — румяная, с большой корзинкой в охапке. Но, увидев сидевшую Машу, меня, наши лица, остановилась, поджала губы.

— Ты ему рассказала? — Она прошелестела вопрос, а не спросила.

— Да. — Маша кивнула головой. — Я ему не имею права врать.

— Понятно. — Девочка присела на край табуретки, поставила корзинку рядом. — Мне уходить?

— Понимаешь ли, Виктория. — Я вжал плечи в округлости бревен стены. — Я думаю.

— Думаешь? — Они посмотрели на меня одновременно — одна с надеждой, вторая с не меньшим удивлением и заинтересованностью.

— С одной стороны. — Я загнул палец. — Вы совершили половой акт?

— Да. — Разговор вступал в ту фазу, где всё должно быть названо своими именами. Иначе будут недоговорки. А недоговорки это кривые отношения, конфликт.

— Вы получили удовольствие от этого? — Вопрос поставил их в затруднительное положение. Краснея, сначала Маша, а потом и Виктория, обе согласно кивнули головами. — С другой стороны.

— С другой? — Маша даже чуть привстала. Чего она боялась или хотела услышать? — С другой стороны. — Я повторил это слово. — Ты переспала не с мужчиной?

— Да. — Маша крутанула головой, обменявшись взглядом с пунцовой Викторией.

— И? — Та привстала.

— И один раз?

— Два. — Маша, какая ты честная женщина! Бесхитростная и честная! Какая ты Салтычиха?

— Один раз не спецназ, два на развлечение. — Сформулировал я некую формулу, чтобы снять напряжение. А то Маша уже кусает губы, а Виктория ещё немного и заработает какую-нибудь глазную болезнь из-за такого вот пристального глазения на меня. — А посему. — Я встал, поправил ремень, всё ещё не застёгнутых джинс. — Получили удовольствие? И хорошо! А посему — амнистия!

— Сережечка! — Маша бросилась мне на шею, следом повисла Виктория. От таких объятий мой натруженный член, ожил, зашевелился, выказывая желание появиться в не застёгнутой ширинке.

— Так! По случаю амнистии баня! Я пошёл топить, вы готовьтесь. Завтра мне обратно, а там нужно ещё кое-что.

— Сделаем. — Маша с красным от волнения лицом — прощена! — закивала головой. — Всё сделаем, Серёжечка! — А глаза у Вероники так и сверкают! Эх!

— Нет! Нет! — Я стоял в предбаннике качал головой. — Так не пойдёт!

— Что? — Они обе замерли, не понимая, куда я клоню. — Что не пойдёт?

— Значит, так. — Эх, была не была! Чего тянуть? Всё равно наши отношения превратятся в то, что называется доверительными, если не «де труа». И, честно говоря, мне очень хотелось, чтобы прошло всё как-то без особых конфликтов. Мне хотелось их обоих, стоящих передо мной в простынях. — В бане все голые — это раз. — Какие глаза у Машки, а какие глаза у

Виктории!?! — Во-вторых, чтобы избежать каких-либо кривостей и недомолвок, секса в бане нет. Понятно? — Нет! Правила есть правила. Баня чистое место. Ох, бесенята у меня внутри так и скачут! Так и рвут член вверх! А, ладно. Чего они не видели такого? Вероника, видно по ней, хорошо знакома со существующей разницей между мужчиной и женщиной. — Отсюда команда! Простыни снять!

— Сережа. — Маша застеснялась, но мои руки, не встретив сопротивления, стянули простынь с неё. Вика, зажав губы, стояла чуть поодаль и когда я с комком Машинной простыни в руках, посмотрел на неё, кивнула головой.

— Я сейчас. — Она повернулась спиной, стянула простынь, показав попку с татуировкой в ложбинке между округлостей, в виде сердечка в пузырьках. Бёдра у неё оказались совершенно не такие, как мне представлялись под её одеждой. Они были более крутыми, а талия выразительно делила пространство между верхом и низом. Мда. Одежда делает человека таким каким он захочет сделать себя. — Я стесняюсь. Отвернитесь.

— Стесняешься? — Я толкнул Машку бедром, кивнул головой «тащи». Она, как заговорщик, подмигнув, потянула девчонку за руки, разворачивая. — Чего ты такого не видела?

— Я вот. Так вот. — Она не поднимала голову, а я любовался её небольшими грудками, полностью голым лобком с татуировкой в виде рыбки над правым пахом. Девочка-подросток. Стоп! А вот это в сторону! — Я в первый раз втроём.

— Ничего. Привыкнешь. У нас тут просто между своими. — Я открыл дверь в парилку, махнул рукой. — Всем в пар! Не выстужайте мне парилку.

— Идём. — Пискнула Машка, заскакивая внутрь. Виктория прошла мимо, не поднимая глаз. А мне ничего не оставалось, как шлёпнуть её веником по голой попке. Чего прятать глаза, отводить их в сторону? Встающий член не видела, что ли?

Они визжали, скакали с полок, выбегали на улицу, обдавались ледяной водой, влетали обратно, розовые, весёлые, с мокрыми волосами-сосульками. Не отставал и я от них. Вконец упаренные мы упали на скамейку в предбаннике, закутались в один большой то ли тулуп, то ли большое покрывало, собранное из кусков выделанной овчины и затихли, наслаждаясь прущим из нас теплом, в прохладном предбаннике. Так близко от меня были груди Виктории, её тело! Протяни руку, проскользни над горками груди Машы и она в твоей руке. Но я держал Машу за талию, ощущая как тонкие пальцы Виктории робко пробираются по той же талии, в мою сторону. Мы держали Машу, а она радостно улыбаясь, сжимала наши колени.

— Хорошо. — Виктория неожиданно для нас, положила голову на грудь Маше. — Так хорошо!

— Баня это баня. — Я разомлел от всего, член мой сейчас напоминал больше длинную сардельку, чем член, внутри стояла такая умиротворённость, что мне было всё пофигу. — В городе такого вот нет. Одна имитация.

— Имитация. — Виктория, повернув голову ко мне, улыбнулась. — Спасибо тебе, Серёжа.

— За что? — Ноги стали холодеть. Надо было идти в дом.

— Ох! — Она улыбнулась. А у неё губки такие — бархатные.

— Пошли в дом? — Маша зашевелилась. — Студёно тут. Да и чая попить надо.

— Кормить скотину надо. — Я встал, потянулся, не стесняясь их. — Пошли!

Хлопотать мы закончили к тому моменту, когда темнота стала натягивать на себя деревеньку, обозначая вечернюю зорю. Уставшие, мы сели пить чай. Вроде по мелочи туда-сюда, а сил надо много. Но приятно. Оттого наше чаепитие напоминало больше смакование вот этой приятной усталости. В халатиках, поджав ноги под себя, женщины сидели на овчинных

ковриках, потягивая горячий чай, подхватывая ложечками варенье. Я же сидел напротив, чуть отклонившись, грея ноги о Машу. Протянув ноги под столом, я невольно ограничил свой угол обзора, но тепло от её тела, мелькавшие в распахивающихся халатах коричневые кружочки, выскакивающих из-за материи груди, компенсировали мне такое положение тела.

— Знаете. — Виктория не стала заправлять в очередной раз выскочившей груди. — Я никогда не думала, что можно вот так просто, без всяких, сидеть пить чай. Не стесняться своей наготы.

— Она откинулась назад. — Мне это кажется сказкой.

— Да? — Маша покосилась на меня. Что она хочет? Вернее, что её беспокоит?

— Я когда, там, на перроне, чуть не сломала ноги, подумала, что дальше уже ехать нельзя. Дальше будет только хуже. А тут Серёжа с машиной. Махнула рукой — будь, что будет и поехала. Будет хуже, так пусть будет. А оказалось совершенно по-другому.

— А отчего бежала? — А вот чего. Маша чуть подалась вперёд, пустив мою ступню между ног. Сейчас пощекотим её голышку. Она улыбнулась, подтянула заварник с чаем.

— Бежала я не от любви, а от ужаса. Отец мой, сволочь ещё та, после смерти матери выгнал меня в Англию, где я училась в частной школе, а потом, не дав доучиться, вернул. А в доме новая жена. Ну, пустилась я во все тяжкие. Спала направо — налево, всё попробовала в постели.

— Пила? — Маша подпёрла одной рукой щеку, второй стала оттаскивать, мягко, незаметно мои пальцы от губок, уже влажных от моих игр.

— Нет! — Она замотала головой. — Насмотрелась я в Англии и на алкоголиков, и на наркоманов. И решила, что это не моё.

— А. — Она всё-таки победила. Я выпрямился, поставил тёплые ноги на прохладный пол. Мда, надо подбросить полено на ночь.

— А тут отец уехал в какую-то там командировку. Америка — страна больших возможностей.

— Она передразнила, возможно, его интонацию. — А его сучка. — Тут глаза её вспыхнули. — Короче, пати со стриптизом, мутными мужиками. Один из них попробовал меня прижать. Ну, дала я ему по морде, и ходу. Куда глаза глядят.

— Посмотрели они на этот полустанок.

— Ну. — Она подняла глаза вверх. — Если честно, то я пошла за Сережей. Он мне понравился.

— От этих слов в глазах Маши вспыхнул уже видимый мною огонёк Салтычихи. Ох, аккуратно! — А остальное — всё на ваших глазах. — Надо тушить пожар у Машки в голове!

— А женщин когда начала любить? — Я поставил чашку, пересел к Маше, обнял за плечи. Она тут же прижалась ко мне, положив руку между ног. Нет, она не стремилась меня возбудить, так получилось, но член отреагировал на это движение.

— В четырнадцать с половиной. — Ага. Если ей сейчас чуть недешестнадцать, то полтора года назад. — И то, всего несколько раз было. В школе порядки были строгими. Каждый спал в своей комнате и ни-ни у подруги! Как-то ночью одна подружка пробралась ко мне в комнату. Накрылись мы одеялом, языком чешим, журнал листаем. А там статья про лесбиянок. Поговорили мы, а меня так завело это что-то. Прямо аж зачесалось! — Она сложила руки на стол, положила голову, повернувшись лицом к нам. Какое у неё всё-таки детское лицо! — Плохо даже стало. Всю ночь не спала. Даже мастурбация не помогла. На следующую ночь подружка книжку притащила. А там всё откровенно, с фотографиями, пояснениями. — Она усмехнулась. — Инструкция, одним словом, для начинающих лесбиянок. Попробовали, понравилось. Смешно, интересно, приятно.

— А после Англии? — Маша неожиданно поменяла положение тела, обхватила ногами талию Вики. Та улыбнулась, улеглась между ног, подсунув руки под спину Маши. Член мой стал деревенеть от увиденного.

— В Москве была одна девочка. — Вика прижалась к животу лицом, показывая шрам на голове, открывшийся в распавшихся волосах. — Работала у отца. Такая красавица. Ну, я думала, что это пройдёт. Ведь, мальчики были, мужчины. Куда женщина ещё? А как-то отец отправил меня с ней в поездку по Золотому кольцу. Вот в один из дней, в номере с односпальной кроватью, а других не было, мы и... — Она усмехнулась. — Она когда кончила, даже сказала, что теперь отец мой её вышвырнет за соращение дочери. Я ей честно всё рассказала. Про Англию, про мужиков. Она пожалела меня. (Специально для) Потом мы много раз с ней встречались. Отец был спокоен — как же! Подружку умную завела, по дансингам, клубам прекратила ходить ночью. Дурак он! — Крепко она в обиде на него!

— Давайте спать. — Маша гладила по её волосам, а та, похоже, даже мурлыкать стала. — Лучше полежим в темноте. А то завтра провожать Сергея.

— Серёж. — Вика подняла голову, открывая вид на её грудки, приплюснутые к животу Маши. — Возьми меня с собой. На остров. — Я прям почувствовал, как Маша напряглась. Не буду её мучить.

— Ты пока здесь поживи. — Я улыбнулся, успокаивая Машу. — А к новому году, сама решишь ехать или нет. Ведь, до того пока не встанет лёд на остров никто не приедет.

— Слушай. — Маша села, поправила ворот халата. — Тут такое дело.

— Что за дело?

— Вика должна с тобой поехать. — Она отвела взгляд.

— Ты боишься снова с ней переспать? — Я не поменял расслабленной позы.

— Да. — От её ответа Виктория покраснела, опустила глаза.

— Ну и что? — Я усмехнулся. — Тебе она нравится? — Виктория от такого вопроса распахнула глаза. Маша тоже удивлённо посмотрела на меня. — Вика тебе нравится? Ну, ты не против того, чтобы снова с Викой?

— Я? — Видно было, как крутится у неё внутри колесо, смешивая все чувства. С одной стороны, вроде как измена, с другой стороны не измена, если с женщиной. И ей нравится с женщиной. Что-то новое, ранее не изведенное. — Я? — А ведь как хочет!

— А ты, Вика? Ты не против?

— Нет. — Медленно, нерешительно ответила Виктория, ещё больше краснея.

— Я согласна. — Маша поджала губы. Нелегко дались эти слова.

— Вот и отлично. А в деталях сами определитесь. — Я поцеловал её в губы, жарко, с языком, выбрасывая в неё все свои самые приятные чувства. Она ответила мне, а Виктория, не отрываясь, смотрела на нас. И завидовала. Я видел это по её глазам